

ЭТАЖИ

литературно-художественный журнал

№ 4
декабрь 2016

Авторские этажи. Поэзия

Владимир Друк
Татьяна Щербина
Александр Спарбер
Яна-Мария Курмангалина
Андрей Коровин
Игорь Иртенъев

Авторские этажи. Проза

Павел Грушко
Юрий Перменко
Александр Снегирёв
Валентина Ханзина
Дмитрий Дейч

Музыкальная гостиная
Анатолий Головков «Дуэт»

Exegi Monumentum
Писатель Михаил Лоскутов

Я вспоминаю туманы родного города

Наринэ Абгарян — лауреат премии «Ясная Поляна» 2016 интервью Ольги Смагаринской

Литературно-художественный журнал Этажи. №4. Декабрь 2016

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22074787

ISBN 9785448343452

Аннотация

Журнал имеет электронную и печатную версии. Печатный журнал выходит четыре раза в год. В него отбираются лучшие публикации, размещенные в электронном журнале. Редакция отдает предпочтение новым, не опубликованным ранее материалам.

Содержание

Яна-Мария Курмангалина	7
«и вся ее москва второй подъезд...»	7
«а она выплывала из моря и видел я...»	8
«у тебя на днях сломалась...»	10
«время прет из берегов гонит по миру волну...»	12
«иногда ты мне снишься – призраком из картины...»	14
«шепчет она опять разболелся шрам...»	15
«когда ей осталась неделя (сказали – примерно неделя...»	17
«они не разговаривают год...»	19
«это август покинул насиженные места...»	20
«яркие губы – твоя приманка...»	21
Александр Снегирёв	22
Двухсотграммовый	22
Андрей Коровин	35
рыбырыбы фламинго	35
вендетта	37
цветное лето	38
Любочка	40
грецкие будни	42
земля-воздух: коннект	44

собака с человеческим лицом	45
женщина с выдрой на голове	47
Дмитрий Дейч	49
Нос	49
Кнопка	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Этажи
№4. Декабрь 2016
**Литературно-
художественный журнал**

© Литературно-художественный журнал, 2016

Редактор **Таня Лоскутова**

ISBN 978-5-4483-4345-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Главный редактор **Ирина Терра**

Редактор отдела поэзии **Игорь Джерри Курас**

Редактор отдела прозы **Улья Нова**

Редактор рубрики «Литературная кухня»

Владимир Гандельсман

Редактор рубрики «Чердак художника»

Таня Кноссен-Полищук

Редактор рубрики «Музыкальная гостиная»

Ирэна Орлова

Экспертный совет редколлегии:

Вера Павлова

Дмитрий Воденников

Даниил Чкония

Женя Брейдо

Макет, оформление и вёрстка **Екатерина Стволова**

Выпускающий редактор **Мария Шандалова**

Иллюстрации:

Римма Мустафина —

Елизавета Смирнова

Таня Лоскутова

Иллюстрация на обложке Тани Кноссен-Полищук

Сайт журнала: www.etazhi-lit.ru

Рукописи принимаются по эл. адресу:
etazhi.red@yandex.ru

Яна-Мария Курмангалина

«и вся ее москва второй подъезд...»

и вся ее москва второй подъезд
семнадцатый этаж за МКАДом лес
закат в окне похожий на порез
и лицевой парез

ей хорошо ей очень хорошо
в чистилище в камерке нагишом
мечтать чтоб не пришел и чтоб пришел
ей очень хорошо

так жить одной не выходя на свет
так жить как будто вовсе не в москве
с бессонной невесомой головой
меж небом и землей

когда никто ни грустен и ни рад
когда никто не позовет назад
никто ни боль ни горечь ни распад
ни рай ни ад

«а она выплывала из моря и видел я...»

а она выплывала из моря и видел я
что ее глаза серебристы и чешуя
отливает платиной белой была рука
и я вспомнил песнь о дочери рыбака

и я вспомнил песнь невиданной красоты
о любви безумной какой не узнаешь ты
о любви греховной низменной неземной
а она шептала что это было со мной

посмотри на меня шептала ты был любим
мой приплывший негоциант а я за другим
была замужем крепче чем сотня земных оков
так у нас было принято – замуж за рыбаков

так у нас было принято чтобы неверных жен
приводили на самый высокий над морем склон
и бросали вниз туда где морская глыба
превращала любовниц наполовину в рыб

я смотрел на нее раскалывалась голова
небеса и звезды складывались в слова
и земные звуки с берега нес муссон

это все не сон шептала мне все не сон

говорила мне тьма моя свет мой из века в век
ты приходишь сюда как дьявол и человек
и скрипел дощатый прогнивший почти настил
а под ним колыхалось море и я не жил

«у тебя на днях сломалась...»

у тебя на днях сломалась
то ли катя то ли настя
то ли ася из пластмассы
то ли кора из фарфора
говорила настя – мама
говорила ася – здрасте
но взяла да замолчала
и не вышло разговора

ты прикладываешь ухо —
и не плачет и не хнычет
и фарфоровому взгляду
все давно уже не рады
у нее лицо белуччи
у нее внутри давинчи
то ли катя то ли кора
ну чего ты ну не надо

нет спасенья вечерами
ни в одном из мураками
отчего же в этих настях
все устроено так тонко
мастера сказали – поздно
часовщик развел руками
говорит – сломалось сердце

безнадежная поломка

«время прет из берегов гонит по миру волну...»

время прет из берегов гонит по миру волну
в доме двое мужиков делят женщину одну

*старший грозен голосом
младший твердолобее —
созданный по образу
взрощен по подобию*

расставляя по местам от родин и до седин
время ходит по пятам а за ним отец и сын

*как по леву – маленький
как по праву – зримое
маленькому – маменька
взрослому – любимая*

старший высохнет лицом что дано – потрачено
младший вырастет юнцом из смешного мальчика

*жизнь густое варево
создано разделено
молодое зарево
родовое дерево*

«ИНОГДА ТЫ МНЕ СНИШЬСЯ – ПРИЗРАКОМ ИЗ КАРТИНЫ...»

иногда ты мне снишься – призраком из картины
отдаленным эхом воздухом паутинным
где танцуют пылинки солнечным каротином
и случайное слово кажется волшебством

мне тогда неважно будем ли были есть ли
в настоящем времени в том молчаливом если
тяготеющем к жизни где ты не реальней пресли
выдыхающего из музыки рождество

иногда ты мне снишься тенью вечерним бликом
на примятом снегу еле слышным но все же криком
я тогда становлюсь чуть жестче темнее ликом
и господь засыпает не обнимая нас

золотых детей беспокойных и нерадивых
промотавших время в отзвуках и мотивах
возвращаясь стихами песенным рецидивом
Merry Christmas baby You sure did treat me nice

«шепчет она опять разболелся шрам...»

шепчет она опять разболелся шрам
видно к погоде ты слышишь как бродят там
тени в саду больничном на склоне дня
бродят вздыхают будто бы ждут меня

он отвечает не бойся все так же тих
вечер сейчас мы двери запрем от них
видишь на сто замков на один засов
нам ли неспящим не наблюдать часов

*(ты помнишь этих юных любовников вышедших
из заката
недавновших что творят что песенка будет спета
ты их узнал они навсегда прекрасны)*

она ему шепчет так из окна сквозит
шерстью паленой жженой тоской разит
кто-то там воев прячется по углам
кости болят к погоде ты слышишь там

он отвечает милая здесь их нет
окна закрыты наглухо ярк свет
время устало время село на мель

ты ничего не бойся ложись в постель

*(у нее под ногами небо у него ладони
полны земляничного света солнечной крови
стекающей вниз красное-красное небо
красное-красное солнце густое пекло
и что-то внизу сверкает под облаками)*

она ему шепчет утро уже вот-вот
скоро здесь будет врач и начнет обход
ангел морфина дарующего мне тишь
что ты молчишь ну что ты опять молчишь

*(она забывает все и смотрит на землю
он забывает все и смотрит на землю
земля забывает все и смотрит на небо)*

слова не говоришь

«когда ей осталась неделя (сказали – примерно неделя...»

когда ей осталась неделя (*сказали – примерно неделя
но точно не знают – чуть меньше
а может – немного побольше*)

она поболтала с подругой и с дочкой она поболтала
и с внучкой она поболтала
и всех обняла неумело

и кошку она покормила а дочке сказала олеся
ты муську не брось – через месяц
родятся котята раздай их

когда ей осталось немного (*давно уже меньше недели
но кажется больше чем сутки*)
она позвала маникюршу

пришла белокурая лена – красивая и молодая
сказала давайте мне руки
давайте мне пальчики ваши

сказала красивая лена у вас анемия смотрите
вот этот рисунок на ногте
как будто паденье с обрыва

а здесь – голубые отливы а здесь – незаметная лунка
такие прозрачные руки
такие холодные пальцы

закрась же мне это паденье бессмертная девочка лена
сияющим пурпурным цветом
пусть будет надолго
надолго

«они не разговаривают год...»

они не разговаривают год
он ей не друг не враг не антипод
скорее мир впечатанный в сетчатку
всё так же делят общую кровать
кто первый разучился целовать
кем изначально брошена перчатка

никто не помнит он глядит в проём
окна и заглушает вискарём
молчание густеющее между
где бьётся ровно сердце под рукой
где он её лирический герой
она его последняя надежда

последний стих последняя глава
где время есть (кружится голова
от запаха имбирного печенья)
сплотившись в ожидании гостей
обнять внезапно выросших детей
заехавших к родителям в сочельник

«ЭТО АВГУСТ ПОКИНУЛ НАСИЖЕННЫЕ МЕСТА...»

это август покинул насиженные места
на прощание город солнцем позолотив
между нами эпоха в целую жизнь Христа
и далекого эха выветренный мотив

между нами дороги хрупкой листвой полны
хоть зачерпывай горстью словно бариста – лед
у тебя до рожденья – тающий дым войны
у меня до рожденья – прежней страны излет

но покуда есть миг на события жизнь слоя
выйди в новую осень поймай равновесье лет
где на пальцах рябин израненных о края
уходящего лета – рдяный проступит свет

«яркие губы – твоя приманка...»

*яркие губы – твоя приманка
и в глазах озорной намёк
И. Караулов*

в небе солнце медленно догорает
ливням будущим вопреки
видишь двое прячутся в том сарае
за проселками у реки

ковыли степные склоняют выи
до иссушенной твердой как сталь земли
а ребята видимо городские
вон куда себя завели

у девчонки чуть золотятся скулы
майка легкая коротка
у мальчишки плечи слегка сутулы
от походной тяжести рюкзака

скоро ночь от взглядов любых укроет
юных страсть и зрелых земную грусть
помнишь нас таких же как эти двое
не гони их пусть

Александр Снегирёв

Двухсотграммовый

Их привезли в черном полиэтиленовом шаре. Несколько мусорных мешков вложили один в другой, накачали воздухом, наполнили водой, обмотали скотчем. Планета, упакованная для переезда.

Запыхавшийся мужик бухнул шар на пол. Беззубый повар Семен полоснул ножом, а его помощник таджик Халмурод ловко прихватил расходящийся, оседающий полиэтилен. Из раны потекла вода. Семен расширил надрез, стал зачерпывать сачком и перекидывать в пластиковую ванночку. В точно такой же он купал своего сына-дошкольника.

Рыбы не трепыхались. Плюхались на бок и плавали. Когда Семен перегрузил всех, воду из мешка слили, а мешок скомкали.

– Опять передохли, – заметил Семен.

Доставщик виновато кусал воняющие пепельницей усы.

– Трудно контейнер для перевозки купить? – задал регулярный вопрос Семен.

– Заказы у вас маленькие, – привычно буркнул доставщик. – Дорого выйдет контейнер гонять. Отопьются.

Доставщик съел на ходу булочку, которой его угостила по-

судомойщица Нина, и уехал. Генератор кислорода вырабатывал пузыри, но рыбины плавали на боку и не отпивались.

– Вылавливай – и в отходы, – скучно бросил Семен Халмуроду.

И хоть такое происходило постоянно, Семен был зол: он любил рациональность. Заказывал продукты точно, будто знал, сколько гостей придет в ресторан и чего они пожелают. Хозяин называл Семена ясновидящим – у него никогда не пропадало съестное, овощи не прокисали, мясо не заветривалось, хлеб не плесневел. Гибель рыбы по нерадивости поставщиков ранила Семена. Он не страдал, когда заживо варил камчатских крабов и дальневосточных креветок, но, если им доводилось издохнуть из-за поломки аэратора в аквариуме или утратить потребительские свойства оттого, что вовремя не сменили воду, он впадал в бешенство и депрессию. Семен отличался страстным характером, на левой груди имел свастику, на правой Сталина, а спину его украшала Дева с младенцем. Если его спрашивали, чем вызван столь необычный выбор натальной графики, он не мог ничего ответить. У Семёна была сложная душа.

На прошлом месте работы Семен поколотил ночного охранника, по недосмотру которого погиб целый выводок лобстеров. Охранник обиду не забыл, позвал своих и подстерег Семена после смены. Семен потерял три передних резца, а в трудовую вlepили «уволен по собственному желанию». Он сделался осмотрительнее: импульсивности не уме-

рил, а как-то сник, продолжая ругать разгильдяев, но держа кулаки в карманах.

Халмурод пинками придвинул к ванночке большой пластиковый бак и принялся швырять в него рыбин.

– Живой! – вздрогнул Халмурод, с испугом отдернув руку. Когда имеешь дело с трупами, начинаешь бояться живых.

Халмурод пинками придвинул к ванночке большой пластиковый бак и принялся швырять в него рыбин.

– Живой! – вздрогнул Халмурод, с испугом отдернув руку. Когда имеешь дело с трупами, начинаешь бояться живых.

На крик Халмурода сбежались все. Семен, посудомойщица Нина, кондитер и оказавшийся на кухне официант.

– Живой! – сначала тупо, затем гордо повторял Халмурод, как будто сам был причастен к воскрешению мелкой некалиброванной двухсотграммовой рыбки.

Рыбка потрепыхалась недолго и под взглядами восхищенных чудом людей приняла нормальное положение брюхом вниз и скоро уже бойко шныряла туда-сюда по скудной акватории ванночки.

– Одноглазый, – заметил Семен.

Один глаз у двухсотграммового и в самом деле был смазан.

– Башка здоровая. Самец, – сказал Семен, как когда-то, увидав впервые своего свежерожденного первенца.

В тот же день усатый доставщик привез новую партию

крупных, одна к одной, трехсотграммовых рыбин, большая часть которых выжила, только две не отпились. Покидав всех в парадное ведерко, рыб вынесли в зал, где стоял аквариум, и перегрузили в пузырящуюся кислородом, специально охлажденную воду.

Двухсотграммовый стал всеобщим любимцем, предводителем аквариума. Он хватал за хвосты самок, расталкивал самцов. Семен, Халмурод и Нина в ранние часы и после закрытия подходили к аквариуму с лакомством, сбереженным специально для двухсотграммового: вареной креветкой, печеньем или недоеденным кусочком мяса. Два работающих посменно метрдотеля и все официанты, проходя мимо аквариума, стучали в стекло, подзывая двухсотграммового грубовато-ласковыми именами.

– Ишь какой верткий. Мужик. Цып-цып, поди сюда.

Двухсотграммовый подплывал к стенке аквариума, тыкался в стекло и вроде как слушал сюсюканье работников ресторана. Хватая лакомства, он выпрыгивал из воды и, бывало, прихватывал благодетеля за палец и даже повисал на нем. Такими трюками он вызывал умиление и восторг, пусть даже из пальца потом текла кровь.

Стоит ли говорить, что, когда кто-нибудь из гостей изъявлял желание отведать свежей рыбки, двухсотграммового не трогали. Сачок зачерпывал любую другую форель или стерлядь. Халмурод тащил бедолагу на стол к Семену, тот оглушал ее и потрошил. На смену съеденным рыбинам уса-

тый доставщик прикатывал новые двойные полиэтиленовые шары, откуда вылавливали стаи полумертвых новобранцев, которых заботливо сваливали в прохладную аэрированную воду, чтобы выходить и запечь в соли, в фольге или просто на решетке. Двухсотграммовый воспринимал частую смену аквариумного коллектива спокойно, быстро осваивался с новичками и скоро гонял их, как и предшественников.

Однажды в неурочное время, за минуту до закрытия, в зал ворвался Виктор Николаевич, хозяин. Накануне он впервые отведал стимулятор кровообращения на основе алтайских трав, которым его деликатно угостила начавшая томиться молодая любовница. Теперь Виктор Николаевич все еще пребывал в некотором перевозбуждении. Он пожал руки официантам, чего раньше никогда не случалось, похлопал по плечу Семена и даже справился, как поживают кошки посудомойщицы Нины.

– А это что за шибздик? – спросил Виктор Николаевич про двухсотграммового, который патрулировал аквариум в одиночестве.

Доставщика свежей рыбы ждали только следующим утром.

– Мелочь, не берет никто, – ответил Семен, почувствовав себя ребенком, притащившим в дом безродного щенка. Прятал, кормил, и вот щенка обнаружили взрослые.

– Ну так в салат нашинкуй, – возмутился Виктор Николаевич несообразительности повара.

– Что с него возьмешь, одни ошметки. Это у нас талисманом. Аквариум нельзя пустым оставлять – плохая примета. – Семен удивился своей находчивости.

– Плохая примета? – задумался Виктор Николаевич. – Тогда пусть.

Сменилось множество поколений форелей и стерлядей. Виктор Николаевич, приободренный алтайским зельем, вложился в молодую любовницу – подарил грудь, брекеты и «ровер-мини». Наступила календарная весна со снегопадами и морозом, сменившимися на таяние и цветение. Одним солнечным днем в конце апреля, в четверг, в обед, когда от очередной партии форелей и стерлядей остались лишь небрежно обглоданные скелеты, сложенные Ниной в пакетик для кошки, а двухсотграммовый рассекал опустевшую воду, в ресторан зашел одинокий господин.

Рисунок Елизаветы Смирновой

Элегантный, молодежавый, створки челюсти немного разведены на северокавказский генетический манер, губы пухлы вполне по-славянски, туманный взгляд цепких глаз говорил скорее о внутренней сосредоточенности, нежели о рассеянности. Такие глаза могли мгновенно сконцентрироваться и вцепиться не хуже зубов двухсотграммового. Обслуживать гостя отправили официанта-новичка Петю.

Петя отгарабил заученные рекомендации от шефа, упомянул новые поступления в винный погреб и не забыл о супе дня. Гость терпеливо выслушал эти рулады, выдав в себе человека, имеющего опыт обращения с прислугой, и, дождавшись их окончания, заказал гребешки. Услышав про гребешки, Петя спросил, не желает ли гость свежей рыбы. Почему он предложил рыбу, когда заказ был уже сделан, Петя потом объяснить не мог. Гость задумался, заскучав как будто от навязчивой услужливости, и согласился.

Двухсотграммовый пересекал аквариум обычными стремительными рывками. Доставщик застрял в пробке. Петя ввел пункты заказа – салат с рукколой, минеральная вода без газа и запеченная на решетке форель – в кассовый компьютер.

Через полминуты из кухни выглянул Семен и поманил Петю:

– Ты пробил форель на третий стол?

– Я.

– Ты же знаешь, у нас нет форели.

– А этот? – Петя указал на двухсотграммового.

Двухсотграммовый погнался за солнечным зайчиком, отскочившим от часов Пети, доступной копии дорогих швейцарских. Скучающий взгляд гостя задержался на высунувшемся из кухни Семене. Тот глянул с отпором, но гость перевел сонные глаза на стены в узорах и дальше в окно.

Парадные двери распахнулись и впустили хозяина. Виктор Николаевич шел порывистыми шагами не желающего стареть пятидесятишестилетнего мужчины, которому перестали помогать алтайские травы и от которого сбежала любовница, не вернув два кольца, кулон и «ровер-мини». О груди и брекетах и говорить нечего.

– Почему стоим, не работаем?!

– Передаю заказ... – промямлил Петя.

– А компьютер на что? Какой заказ?

– Форель...

– Ну так взял сачок, выловил, разделал, приготовил, подал!

Виктор Николаевич оттолкнул Петю, Семена, ворвался на кухню, напугав Нину, поедающую казенную булочку, схватил сачок и парадное ведро, молниеносно вернулся в зал и подскочил к аквариуму.

Двухсотграммовый избежал сетки рывком в правый нижний угол. Виктор Николаевич дернулся за ним. Двухсотграммовый обманным маневром снова ушел от погони. «Стер-

вещ. Поганец. Ушлая тварь», – повторял хозяин слова, которые двухсотграммовому регулярно приходилось слышать с тех пор, как его поселили в аквариуме. Только раньше его под эти слова кормили. Теперь хозяин, обмакивая манжеты рубашки и рукава пиджака, гонялся за ним с сачком.

Поймать двухсотграммового не удавалось. Виктор Николаевич отсидел за фарцу, в девяностые начал бизнес, содержал ленивую жену, мудаковатого подростка-сына, двух капризных лярв-любовниц – теперь, впрочем, одну, – не имел мизинца на правой руке и недавно взял новый «бентли». Он не привык сдаваться. Он снял пиджак, закатал мокрые рукава и принялся охотиться с удвоенной свирепостью. Но недаром двухсотграммовый все это время тренировался; каждый раз, когда сачок вот-вот должен был опутать его, он ускользал, дразня побуревшего сквозь солярный загар, замочившего в воде галстук и всю грудь преследователя.

Сорванный с креплений генератор кислорода предсмертно захлебывался на посыпанном цветным песочком дне, вода бурлила ошметками чешуи, гость меланхолично наблюдал ловлю своего обеда.

Виктор Николаевич взгромоздился ногами на стул, на который и садиться-то позволялось не каждому, и голыми руками стал обшаривать аквариумные глубины.

Надо отметить, что руки у Виктора Николаевича – при лютости внешности – были женские. Телу из мяса и жира были отпущены изящные кисти, тонкие пальцы и удлиненные ног-

ти, которые хозяин полировал у маникюрши. Обрубок мизинца не портил вида, а, напротив, придавал пикантности. И этими эльфийскими перстами Виктор Николаевич силился сграбастать двухсотграммового. Семен, Халмурод и Нина давно покинули кухню и наблюдали за поединком.

– Есть! – заорал хозяин.

Видимо, вопль возвещал о поимке, но установить это доподлинно не удалось – в следующий момент Виктор Николаевич покачнулся и упал, а на грудь ему опрокинулись десятки литров воды в стекле.

Выстрел и плеск.

Сотрудники ресторана бросились к месту события; сонный гость тяжело вздохнул.

* * *

Врач «скорой» определил у Виктора Николаевича перелом ребер и травму грудной клетки с возможным повреждением внутренних органов. У двухсотграммового обнаружилась глубокая рана в боку. Гость ушел обедать к конкурентам через дорогу. Петя вместе с уборщицей Гулей принялись собирать осколки. Семен понес двухсотграммового на кухню и положил своего друга на разделочный стол.

Единственный целый глаз смотрел на Семена.

Семен отрезал двухсотграммовому голову, вспорол брюхо, выпотрошил, очистил, промыл, смазал маслом. Траур-

ным венком легла веточка фенхеля. Семен уложил двухсотграммового на решетку гриля. Голову Семен отправил в кастрюлю, залил водой, добавил укроп, морковь, картофель и поставил на плиту.

Через тридцать минут Семен разлил уху по тарелкам Халмуроду, Нине, уборщице Гуле, метрдотелю и официанту Пете и дал каждому по кусочку ужарившегося, некогда двухсотграммового тела.

Сентиментальной, верующей посудомойщице Нине показалось, что кушанье обладает особенным нежным вкусом. Однако часть доставшегося ей кусочка горчила, желчь пролилась, и сколько Нина ни убеждала себя в исключительных, едва ли не сверхъестественных качествах поедаемой плоти, горечь давала о себе знать до тех пор, пока Нина не прополоскала рот. Новичок Петя съел свою порцию уважительно, заглаживая оплошность, ему в этом коллективе работать, он планировал взять кредит на «Опель Корса»: девушка ясно дала понять, что не может строить отношения с тем, кого не уважает, а как можно уважать пешехода? Гуля съела потому, что никогда не отказывалась от бесплатной еды. Метрдотель съел, потому что другие ели, а он не хотел, чтобы думали, мол, занесся. Семен просто и обыденно обглодал голову, он не прислушивался к своим чувствам и не искал в трапезе высшего смысла, просто грех выкидывать. И один только Халмурод, который до этого был безоговорочно верен плову, с удивлением обнаружил, сколь вкусной, нежной и пи-

тательной может быть рыба. С того дня он решил хоть раз в неделю позволять себе мороженую треску, громоздившуюся ледяными сгустками в холодильнике ближайшего к месту его фактического проживания магазина.

– Очень вкусно, не помню, когда последний раз форельку свежую кушала, – сказала Нина.

Семен сложил остатки в пакет для Нининой кошки.

Дверь служебного входа распахнулась, явился доставщик с напарником. Охая и пыхтя, они волокли зеленый сундук-контейнер.

– Рыбку заказывали?! – прохрипел доставщик, воняя усами. Его так и распирало от гордости.

Тяжело дыша, доставщик откинул люк. В чёрной воде ютились отборные полукилограммовые. Одна к одной. Все живые.

Андрей Коровин

рыбырыбы фламинго

в московском зоооупарке
есть розовые рыбырыбы фламинго
они плавают между посетителями
хватают их за пятки
что-то рассказывают
размахивая плавниками
но их никтoникто не понимает
розовые рыбырыбы фламинго
были привезены из Африки
Николаем Гумилёвым
в однатысяча девятьсоттринадцатом
но потом
война революция
о них все забыли
а они
жили себе тихо
в кунсткамере
питались чем придется
мышками
революционными матросами
особенно любили

упитанных чекистов
но те попадались редко
недолюбливали кунсткамеру
хотели вообще закрыть
в большую войну
голодали конечно сильно
тогда их и вывезли
вместе с уродцами
в московский зоозоопарк
в принципе
они безобидные
но гладить не рекомендуется
мало ли что

ВЕНДЕТТА

в такую жару раздеваются все даже рыбы до костной
мозоли

и яблоко сада бормотствует в душных ветвях
и девушки с кровью застенчивой аэрозоли
себя распыляют и плоть их стоит на бровях

заходишь в бассейн зоосада ли летнего сада
где плаваются рыбы русалки и прочая снедь
и хочется их разглядеть да по счастью не надо
они исчезают текут все исчезли на треть

вот девушка полу и снова как будто раздета
смотри исчезает подмышка и левая грудь
жара объявляет одетым вендетту вендетту
исчезнет любой кто посмеет сегодня вздохнуть

плывут пред глазами немые соски и колени
какие-то брови сгоревших в жаре шахрезад
плывут бегемоты пингвины моржи и олени
плывут по жару
и никто не вернется назад

ЦВЕТНОЕ ЛЕТО

ВОТ ЦВЕТЫ ПО ВАГОНАМ НЕСУТ
ОТ КОГО И КОМУ
НЕПОНЯТНО

И ВЕДУТ МОЙ ВЕЧЕРНИЙ МАРШРУТ
ЛЕТНИХ СУМЕРЕК ЯРКИЕ ПЯТНА

ВОТ ПИОНОВЫЙ ОБЛАК ЛЕТИТ
В НЁМ ЛЮБОВНИК ЗЕЛЁНЫЙ И АЛЫЙ
РАЗЫГРАЛСЯ ЕГО АППЕТИТ
ЖЁЛТЫХ ПЕСТИКОВ ТЫЧЕТ КОРАЛЛЫ

ЛИЛИЙ ЖЁЛТЫЕ ЮБКИ ГОРЯТ
НО ТОРЧИТ ИЗ-ПОД ЮБОК ПРИЧИННО
ЯДОВИТЫХ ТЫЧИНОК ОТРЯД
И ПЕСТЫ ВЫСТАВЛЯЕТ МУЖЧИННО

СИНИХ ИРИСОВ НЕЖНАЯ ПЛОТЬ
ЗАВЛЕКАЕТ В ТАКУЮ ПУЧИНУ
ЧТО И РАД БЫ СЕБЯ ПОБОРОТЬ
ДА НАВЯРД ЛИ ОТЫЩЕШЬ ПРИЧИНУ

И СИЯЮТ В ВАГОННОЙ НОЧИ
НЕЗАБУДОК ВЕЧЕРНИЕ ЗВЁЗДЫ

а цветы это просто ключи
если только не поздно
не поздно

Любочка

она садится не закусывая
имеет план она и вид
на сексуальную дискуссию
с начальником отдела сбыт

она сидит в короткой юбочке
раскрыв футбольные ворота
сегодня сорок восемь Любочке
а грудь стоит как налита

она с девчонками хихикает
жевачку просит
закурить
что ей гормон судьбы накликает
да что об этом говорить

она в поднятом настроении
переходящая в кураж
и под ее *контральтопение*
ей тридцать восемь с лёту дашь

ну что ж что муж ушел к молоденькой
ну что ж что сын в него кобель
зато она с *напоперодинкой*
поедет летом в Коктебель

грецкие будни

мы в белом облаке как
в танке
летим над Грецией
погреться
а с нами рядом маньки
ваньки
у всех в кармане
индальгенца

тут совершают про-
менады
кому напра кому на-
лево
тут в каждом дереве
цикады
концертствуют от пере-
грева

тут молодые англи-
чане
гуляют не-
традиционно
и хлещут раки все но-
чами
гоняя сон раз-

горячённо

тут улыбаются ге-
теры
почти что также как ги-
тары
на языках всех стран
Венеры
мужчины тоже разной
тары

морские ёжики
в тумане
морские крабики
в стакане
лишь две француженки
в бассейне
друг другу шепчут
о Гусейне

ЗЕМЛЯ-ВОЗДУХ: КОННЕКТ

куда летишь ты самолет
чего тебе не спится
а под тобой лежит народ
не смеет шевелиться
лежат Наташа и болван
прильнув телами туго
они попали в твой капкан
им очень жаль друг друга
а самолет себе летит
в полночном ближнем небе
проснулся страшный аппетит
у Жанны и у Глеба
они внутри себя самих
и сами над собою
и даже самолет затих
следя за ближним боем
Сергей Светлане показал
пять поз из камасутры
посадка аэровокзал
Подольск будильник утро

собака с человеческим лицом

собака с человеческим лицом
выходит из подворотни
лизет меня своим языком
мокрым шершавым тоскливым
говорит
забери меня отсюда
мой дорогой человек
буду твоей домашней
твоим домашним
буду хорошей ласковой
совершенно не страшной

что мне *говорю* с тобой делать
розовая собака
обучить тебя сценречи
технике танца
купить антиблошиный ошейник
о чём будем говорить с тобой
долгими зимними вечерами

я говорит начитанная
даром что и собака
в прошлой жизни была блондинкой
высокой стройной
пила из блюдца

полюбила одного кобеля
волшебника
а он надо мной посмеялся
превратил в собаку
выгнал из дому
нет покоя моей душе
только стихи и спасают
когда голодно и мёрзнут лапы
Мандельштама помню всего
Гумилёва много
Ахматова сестрица моя небесная

ладно *говорю* раз Гумилёва
пойдём со мной что ли
розовая собака
там разберёмся

женщина с выдрой на голове

женщина
с выдрой на голове
едет в пригородной электричке
теперь их две
выдра и голова
женщина отошла куда-то
голова и выдра
ведут беседу
о валютном курсе
любви к соседу
рубль неуклонно падает
евро как снег растет
вот дедмороз
выключит курс валют
и придёт новый год
с его салатами оливье
пьяными поцелуями на морозе
у соседа
жена собака
скучная проза
тут возвращается женщина
в тамбуре покурила
выдра говорит голове
а ты ей поверила
что она бросила

а что я тебе говорила

Дмитрий Дейч

Нос

Евреев хоронят не в гробу, а в тряпице: пакуют, перевязывают крест-накрест как бандероль, и – отправляют по назначению.

Еврейский труп не похож на человека.

Его не реставрируют. Никакой косметики.

Никаких иллюзий: в лоб не целуют, по имени не называют, ясно ведь: здесь одна скорлупа (клиппа). Кожура. Самого человека – давным-давно след простыл, где он теперь – неизвестно, да и не нашего ума это дело.

Что до скорлупы: её не жаль и в землю.

На похоронах ко мне подошёл старичок – маленький, сухонький, чуть сгорбленный. Улыбчивый. Сперва я принял эту улыбку на свой счёт, но скоро выяснилось, что это – просто гримаса, которая приросла к лицу, хорошо прижилась и стала частью природы. Такое случается: улыбка-призрак. Живёт человек, улыбаясь в пустоту, даже не зная, что улыбается. Может, и знал когда-то, но давным-давно позабыл.

– Григорий Исаевич, – сказал старичок.

– Григорий Исаевич умер, – ответил я, взглядом указав на похоронную тележку.

Он постоял, глядя на спелёнутое, завязанное узлом тело моего дедушки, улыбаясь и кивая покойному – ласково и печально, затем снова повернулся ко мне:

– Григорий Исаевич был исключительным человеком!

– Я знаю, – сухо ответил я.

– Вы ничего не знаете, – сообщил улыбчивый старичок, – вы слишком молоды, чтобы знать. Возможно, вы – подозреваете. Возможно, у вас имеются кое-какие догадки. Но кому они интересны – ваши догадки?

Я посмотрел налево. Потом направо. Никто не обращал на нас ни малейшего внимания. Все делали вид, что слушают раввина. Раввин пел.

Старичок смотрел на меня, продолжая улыбаться. Теперь его улыбка напоминала оскал хищной рыбыны, приготовившейся к атаке.

– Вы думаете, знание это – где-то здесь... – неожиданно он наклонился вперёд и довольно крепко стукнул маленьким кулачком меня прямо в лоб. Я слегка растерялся, попытался отмахнуться, но не тут-то было: он ловко увернулся и снова постучал (было чертовски больно!) – по затылку.

– Сокрушительная пустота! – заявил он с торжествующим видом. – Звон – и ничего больше! Ваш дедушка знал об этом. А вы – понятия не имеете.

Сказать, что я опешил – не сказать ничего... Подобное

состояние я испытал однажды по-малолетству, застав в учительской преподавателя математики, пожилого сухопарого очкарика, которого все мы немного побаивались, с молоденькой, только что из университета, преподавательницей истории. Они держались за руки и плакали.

Если бы они целовались или занимались любовью, это смутило бы меня меньше. Помню, я выскочил как ошпаренный, а на следующий день избегал смотреть им в глаза.

Вот и теперь – уж не знаю почему – мне было трудно смотреть в глаза человеку, которого, по логике вещей, я преспокойно мог удалить с поля. Послать подальше. На крайний случай: извиниться, сослаться на обстоятельства...

– Мне больно!

– Вот и хорошо, что больно, – кивнул старичок: очень хорошо! Потому что пока вам не станет по-настоящему больно, вы и с места не сдвинетесь. Я с удовольствием сделаю вам больно... (на всякий случай я отодвинулся) очень больно... и ещё больнее...

Тут он принялся цитировать «Песнь о буреизвестнике»: пусть сильнее грянет буря, глупый пингвин, чёрной молнии подобный, и тому подобное. Я по инерции продолжал слушать, вытаращив глаза и совершенно потеряв всякое представление о том, где нахожусь и что, чёрт возьми, происходит, но тут, по счастью, меня отвлекли: нам с отцом предстояло уложить покойника на носилки и отнести его к месту захоронения.

Когда свёрток опускали в могилу, я впервые почувствовал – животом – насколько, до какой степени пластика мёртвого тела отличается от живого. Только увидев это воочию, понимаешь – почему люди боятся смерти. Не самой смерти даже, а – малого, почти неуловимого изменения, которое смерть производит с человеческим телом.

Покойник выглядит почти как человек.

И в этом «почти» присутствует полная мера нашего страха: здесь всё, чего мы боимся, хоть на первый взгляд может показаться, что боимся мы разных, порой совершенно не схожих между собою вещей.

На поминки остались только близкие родственники и друзья. К моему удивлению, я столкнулся нос к носу с давешним старичком: без лишних церемоний он уселся по правую руку и принялся ухаживать за мной: то салатик положит, то водочки нальёт.

Выпили за покойного: один и другой раз.

Принялись рассказывать смешные истории, героические, трогательные, нелепые. Мама всплакнула. Я вспомнил о том, как дедушка с бабушкой меня разыграли, и я напугался до чёртиков.

Все смеялись.

Мама рассказала, как дедушка встретил бабушку: на поле сражения ему оторвало нос, он завернул его в тряпицу и побежал в медсанбат, где бабушка заведовала хирургическим отделением. И бабушка ему нос пришила, да так ловко, что

остался лишь тоненький, почти невидимый шрам.

Так они познакомились.

А после поженились – прямо в окопах.

Историю эту мы хорошо знали: она была из разряда семейных легенд, которые десятилетиями пересказывают на все лады – по поводу и без повода, они никогда не надоедают и, в конце концов, становятся чем-то вроде старой заслуженной мебели: обшарпанный диван, скрипучие стулья, пошатывающийся стол – вся эта рухлядь давным-давно приелась, но выбросить жалко, а самое главное – непонятно останется ли дом по-прежнему нашим домом, если убрать это с глаз долой?

На сей раз, впрочем, история про оторванный нос претерпела существенные изменения, и всё – благодаря моему улыбчивому соседу. Дождавшись окончания, он хмыкнул, покачал головой и пробормотал – тихонько, как бы про себя: ерунда собачья...

– Что значит ерунда собачья? – удивилась мама.

– То и значит: чепуха. Чушь!

– Не пойму, – взволновалась мама, – вы хотите сказать, я это выдумала?

– Я хочу сказать, что вам известно далеко не всё. Нос Григорию Исаевичу и в самом деле оторвало – осколком снаряда. Евгения Мироновна его пришила на место, тут тоже всё верно. Но поженились они гораздо позже, а познакомились – гораздо раньше. Но самое главное – в вашей истории не хва-

тает множества существенных деталей.

– Вам-то откуда знать? – спросил я, раздражённый непрошеным вмешательством.

– Да ведь я был там, и всё видел своими глазами!

– Стало быть, вы – его сослуживец?

– Я – его ординарец.

Тут все принялись перемигиваться и переглядываться: дедушкин ординарец был популярной фигурой – из тех харизматичных персонажей второго плана, друзей и слуг, кто репликой интригу подтолкнёт, подаст совет, повсюду тут как тут: Лепорелло, Швейк и Горацио в одном флаконе... Обыкновенно дедушкина байка начиналась с того, что ординарец – плутоватый, но отзывчивый и по-своему честный – напивался в стельку, бил особиста по морде, проваливался в сортир, приносил важное известие, насиловал благодарную немку, терял штаны, бегал за самогоном, выпускал всю обойму в немецкого офицера с пяти шагов, и – непременно промахивался.

Особенно популярна была история о чудесном спасении ординарца от трибунала: Сашку собирались расстрелять за кражу ящика бесценного трофейного коньяка, предназначенного для отправки в Москву, но дедушка повернул дело так, что из злоумышленника Сашка превратился в невменяемого дураля, который действовал не из корыстных соображений, а по глупости, и только потому – заслуживал прощения.

Главным аргументом защиты стал и в самом деле вопиющий факт: коньяк столетней выдержки Сашка закусывал солёным огурцом.

– Всё это враки, – улыбнулся старичок, – закусывали мы, конечно, трофейным шоколадом. Немцы хороший шоколад делали. А коньяк был исключительным, французским, столетней выдержки, за такой и под трибунал – не жалко! Огурец Батя придумал уже на заседании трибунала. А я не стал возражать...

Ваш дедушка был великий выдумщик, этого у него не отнимешь.

Когда полк попал в окружение, Батя выводил его с пистолетом в руке, не прячась за нашими спинами, а – впереди, как и полагается командиру. За что и получил звёздочку «героя». Правда, в наградной не записано, что в правой руке он держал пистолет, а в левой – собственный нос, завёрнутый в носовой платок.

Платок этот принадлежал мне, трофейный... К тому времени всё у нас было трофейное: от любовниц до подштанников...

В тот день нам не удалось наладить связь, мы не знали, что немцы передислоцировались, и полк полностью окружён. Узнали только тогда, когда в окопах начали рваться снаряды. И летели они оттуда, где по нашим соображениям должны были находиться свои... Батя не растерялся и приказал выдвигаться. Вот тогда-то ему и оторвало – не весь нос,

конечно, а только кончик.

Это был последний снаряд: обстрел сразу же прекратился. Наступила тишина. Батя закрыл лицо руками и сказал: «Сашка, ё* твою мать, мне нос оторвало! Он где-то здесь, ищи»...

Быстро темнело, но мы, как ни странно, довольно быстро его отыскивали. Отряхнули, уложили в платок, завязали... Без носа Григорий Исаевич выглядел... своеобразно... Но почему-то меня это не смутило тогда, а – наоборот, как бы привело мысли в порядок. Будто так и должно было случиться... Положение было безвыходное, все это понимали... Но когда мы увидели Батю... кровь заливала его лицо, оно казалось безумным, яростным, сумасшедшим, зато глаза были – светлыми и совершенно ясными, будто он точно знал что делать... все разом притихли: никакой паники, действовали слаженно – как на учениях или на параде.

Команды отдавались шёпотом.

Никто не верил, что мы выйдем оттуда живыми. Шансов не было. В полной темноте, по пересечённой местности мы шли гуськом, глядя друг другу в затылок. Со всех сторон звучала немецкая речь. Мы были не просто в окружении, но – посреди вражеской территории, практически в расположении немецкой дивизии. Вопреки логике мы двигались навстречу врагу. Полк в полном составе прошагал напрямиком в немецкий тыл.

Батя шёл впереди, следом за ним – я. Только однажды он

обернулся: «Сашка, как нос пришивать будем?»

Я не ответил. Мы оба понимали, что сейчас не время: стоило немцам обратить внимание на то, что у них под носом творится, и нам было бы уже не до носа...

Когда, наконец, выбрались, бабушка ваша тут же взялась за дело, и быстро его подлатала – позже она признавалась, что, мол, была уверена: ничего не выйдет – слишком долго этот кусочек плоти был отделён от тела.

А два дня спустя, по хорошей пьяни, Батя вдруг выдал: «Что, Сашка, думаешь, это я вас из окружения выводил?»

«Кто же ещё, Исаич?» – к тому времени мы все на него чуть не молились. Только и разговоров было о том, как Батя нас вывел.

«Ничего ты не понимаешь, – сказал полковник, – вот если бы мне нос тогда не оторвало, хрена лысого ты бы теперь самогон попивал»...

Уже после войны я слышал немало подобных историй, но никогда не верил. Помню одного деятеля, который полагал, что жизнью своей обязан любовной записке, которую носил всю войну в портсигаре: люди склонны приписывать удачу или интуицию амулетам, каким-то предметам – из суеверия или по глупости. Но тогда, после всего пережитого, поверил – сразу и безоговорочно.

Когда мы выходили из окружения, Батя ни о чём не думал и не смотрел по сторонам, он лишь поворачивал туда, куда вёл его нос. Ваш дедушка чувствовал на расстоянии комо-

чек плоти, завязанный в платок – так, будто это был компас, указывающий верное направление.

Будто оторванный нос стал дополнительным органом – сродни зрению или слуху.

Органом чистого, незамутнённого знания.

В эти мгновения Батя точно знал, что нужно делать, но если бы он на мгновение усомнился или задумался, мы бы не выжили...

Так-то вот...

Старичок замолчал. Гости выпили по последней и стали расходиться.

Было довольно поздно, мы вышли во двор – покурить.

Я смотрел на него, пытаюсь разглядеть сквозь маску морщин лицо, принадлежавшее когда-то молоденькому ординарцу, и думал о том, что по части ошеломляющих розыгрышей моему покойному деду – пусть земля ему будет пухом – и в самом деле нет и не было равных.

Кнопка

Мой дедушка был инопланетянин с маленькой кнопочкой на затылке. Один раз нажмёшь – застынет как вкопанный, не дышит и не шевелится, другой раз нажмёшь – двигается и говорит: совсем как настоящий. Окружающие ни о чём не догадывались, они шутили с дедом, наливали ему водки, слушали рассказы о Великой Отечественной войне, время от времени дарили ордена и медали – за боевые заслуги (хотя война уже давным-давно кончилась).

Один я знал правду.

Однажды утром я застал его в ванной комнате. Привычка бриться наголо сохранилась у него с тех времён, когда он командовал полком и носил фуражку. Мыло он взбивал особой щёткой в перламутровой мыльнице. Трофейный бритвенный набор из нержавеющей стали был тщательно ухожен: каждая вещица – на своём месте. Помимо лезвий, тускло поблескивающих приборов, коробочек и баночек, под рукой всегда были влажные полотенца, горячие салфетки. Пахло одеколоном «Шипр».

Я спросил:

– Что это у тебя на затылке – маленькое, чёрное, круглое?

Он внимательно посмотрел на меня сквозь тусклое зеркальное стекло. В зеркале отражалось его лицо: шея, щёки, скулы – от подбородка до затылка всё было покрыто ровным

слоем белой мыльной пены. Глаза и нос – маленькие островки посреди пенного моря.

Он спросил, умею ли я хранить тайны.

– Что за вопрос? Мне уже шесть! Ну, в смысле, ещё пару месяцев, и...

– Но это строго между нами, понимаешь?..

– О чём речь? Могила!

И он рассказал мне правду.

К тому времени я уже всё знал об инопланетянах. Мама зачитывалась книжками из серии «Зарубежная фантастика». Я тоже их читал, хотя далеко не всегда понимал смысл прочитанного. Помню, одна из них называлась «Человек-компьютер». О том, как управлять человеком на расстоянии и заставлять его делать гадости, каких он, находясь в здравом уме, никогда бы не сделал. Ещё одна – «Штамм Андромеда»: подземные бункеры, коридоры, научные изыскания, таинственные люди в белых халатах, химические препараты, способные сотворить с тобой такое, о чём даже подумать было противно. Тем не менее, я перечитывал её раз за разом. Там, правда, ничего не было об инопланетянах. Но в других книжках – было, и выходило так, что инопланетяне далеко не всегда дружелюбны. Самое неприятное в них то, что мы никогда не знаем – чего они хотят на самом деле. Они могут улыбаться, травить байки о военных подвигах, чистить картошку, играть в футбол, покупать мороженое, катать тебя на качелях в парке, а после...

Когда я хоронил дедушку (лет пять назад), его тело оказалось чудовищно, невероятно тяжёлым. Мы с папой взялись за рукоятки похоронных носилок – каждый со своей стороны, приподняли, и – едва не уронили...

Люди такими тяжёлыми не бывают.

Однажды по большому секрету я рассказал бабушке о том, что её муж прибыл из космоса. В конце концов, тайны существуют для того, чтобы доверять их надёжным, проверенным людям. Бабушка покачала головой и укоризненно посмотрела на меня.

– Не веришь? Пойдём, я покажу тебе!

Дедушка смотрел телевизор. Я подкрался к нему сзади, бабушка остановилась в дверях. Я легонько придавил пальцем пятнышко на его затылке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.